

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Изъ исторіи дуэлей въ Западной Европѣ.

(Историко-культурный очеркъ).

А. Н. Стоянова.

„Le duel... pourrait en dire, est tout à fait conforme à la nature, sinon à la raison; il faudrait chercher ses véritables sources dans les instincts du monde animal, et tout ce que le monde social y aurait ajouté de particularités, de formalités, de règles arbitraires, n'eserait qu'une enluminure historique de ce texte fourni par la vie. Mais c'est là un exemple entre mille des erreurs auxquelles on s'expose par l'abus du point de vue naturaliste. L'explication qu'on donne ainsi du duel n'explique rien; car elle explique aussi bien la guerre, l'homicide, les jeux du cirque et tous autres exercices sanglants. Il s'agit de savoir pourquoi, — l'instinct de combativité étant donné bien entendu, ainsi que la haine et la vengeance, — ces forces vivantes ont reçu une direction sociale capable d'imprimer à leurs produits des formes si caractéristiques et si étranges”.

(Tarde, *Etudes penales et sociales*, Chap. I, p. 5).

Давно уже и далеко ушли отъ насъ тѣ времена, когда, при зависимости искусства, литературы и даже науки отъ меценатовъ, авторы различныхъ произведеній писали длинныя предисловія, въ которыхъ почтительнѣйше преклонялись передъ публикою, прося: не вѣнчать имъ, авторамъ, въ вину выборъ именно такой, а не иной темы.—Свобода въ выборѣ предмета для ученыхъ и литературныхъ трудовъ сдѣлалась теперь высшимъ и общепризнаннымъ закономъ для всего образованнаго міра, — и нѣтъ мѣста инымъ принципамъ и иной практикѣ на этой каеедрѣ.

Меня могутъ однакоже, не стѣсняя и не отрицая моей авторской свободы, спросить: почему я избралъ темою для предстоящей лекціи вопросъ о дуэляхъ? — И возможно ли для русскаго человѣка иное отношеніе къ дуэли, кромѣ безусловнаго отрицанія и игнорированія, кромѣ энергическаго проклятія изъ глубины взволнованной души, когда мы вспомнимъ, что у роковыхъ барьеровъ погибли два великихъ русскихъ поэта — Пушкинъ и Лермонтовъ? На это я отвѣчу съ полною откровен-

ностью, что можно и должно и намъ, русскимъ людямъ, ненавидѣть многія явленія, порицать многіе людскіе поступки какъ въ отшедшей и въ исторію, такъ и въ окружающей насъ общественной средѣ,— но что и намъ, русскимъ людямъ, слѣдуетъ знать тѣ причины и условія, при воздѣйствіи которыхъ совершились извѣстные поступки и произошли извѣстныя явленія.

И такъ передъ нами вопросъ: почему и въ какихъ отношеніяхъ можно было мнѣ какъ юристу-историку интересоваться вопросомъ о дуэляхъ? Прежде всего, для наблюдений соціологовъ и юристовъ-историковъ отчетливо выдѣляется фактъ необыкновенной живучести, чрезвычайной силы сопротивленія дуэли всѣмъ враждебнымъ ей элементамъ. Начиная съ XI-го, XII-го и XIII-го вѣка, дуэль даже судебная становится мишенью для ударовъ со стороны цѣлой фаланги очень сильныхъ враговъ. Со второй половины XVI вѣка, законодатели и правители европейскихъ государствъ усиленно издають многочисленныя эдикты и уставы, большею частію специально посвященные опредѣленію дуэли какъ преступленія и перечисленію тѣхъ казней и взысканій, которымъ должны подвергаться виновные.—Сенаты, или совѣты, почти всѣхъ университетовъ Германіи или ходатайствуютъ, по почину Виттенбергскаго университета, передъ правительствами объ наказаніяхъ дуэлянтовъ, или же дѣлають сами, въ силу предоставленной имъ автономіи, постановленія объ болѣе или менѣе строгихъ дисциплинарныхъ мѣрахъ противъ студенческихъ дуэлей. Въ ту же сторону борьбы противъ дуэли направляются церковъ и духовенство то съ проповѣдью евангельской любви и всепрощенія, то съ приговорами соборовъ и особыхъ кардинальскихъ конклавовъ, какъ это происходило въ длинный промежутокъ времени отъ Юлія II-го, Льва X-го до Бенедикта XIV и мн. др. Великіе разумомъ, независимые духомъ, учителя естественнаго права—и между ними Гуго-Гроцій и Ж. Ж. Руссо—также высказываютъ строгое осужденіе дуэли. Моралисты отвращаются отъ теоріи дуэлей, потому что видятъ въ ней наиболѣе рѣзкое выраженіе безнравственности—формулированіе правилъ челоуѣкоубійства, худо прикрытаго штемпелемъ по истинѣ безыменнаго договора, мящаго передавать двумъ частнымъ лицамъ взаимное и верховное право на жизнь и на смерть. Выдающіеся дѣятели первой французской революціи, т. е. люди достаточно знакомые съ картиною смерти и общественныхъ потрясеній, говорятъ о дуэляхъ какъ объ авархическихъ проявленіяхъ, которыя дерзко и жестоко пресѣкають жизнь, принимая самую смерть гражданъ. „On peut braver la mort—сказалъ Камилль Дюмуленъ, отклоняя сдѣланный ему вызовъ на поединокъ—pour la liberté, pour la patrie, et jé me sens la force de passer

le cou hors de la litière et, comme l'orateur romain, de tendre la gorge au glaive d'Antoine. Je me sens la force de mourir sur un échafaud avec un sentiment mêlé de plaisir. Voilà l'espèce de courage que j'ai reçu non pas de la nature qui frissonne toujours à cet aspect, mais de la philosophie. *Etre assassiné par le spadassin qui me provoque, c'est mourir piqué de la tarentule....* Je crains bien que le temps ne soit pas loin, où les occasions de périr plus glorieusement ne nous manqueront pas“.

Пророческое предвидѣніе своей скорой смерти, ради дорогой Дюмулену республики, придаетъ особенный характеръ искренности и силы изреченію этого энтузіаста, проникнутаго демократическими преданіями Греціи и Рима и воспитаннаго на ученіяхъ Руссо. Но тѣмъ полнѣе отражается въ этомъ энергичномъ и предсмертномъ словѣ Дюмулена вѣрный взглядъ на одну изъ отрицательныхъ сторонъ дуэли, какъ лотереи о жизни и смерти человѣческаго существа, какъ орудія, преждевременно и слѣпо убивающаго жизнь, искажая величавое, строгое достоинство честной и доброй кончины бытія человѣческаго. „Le duel est une déclaration de guerre à la société“, говорить — черезъ одинъ годъ послѣ вышеприведенной апострофы Дюмулена, — другой дѣятель революціоннаго періода, Бареръ-де-Вьёдакъ, при обсужденіи проекта новаго уголовнаго уложенія: „Celle-ci doit traiter le duelliste en ennemi public. Qu'il soit donc sans protection de la part de la loi, et que cette exhérédation civile le mette à la merci de tous ceux qui ont à défendre contre lui leur propre sureté. En un mot, qu'il soit déclaré ex—loi et déchu de tous les droits du citoyen“.

Почти черезъ полвѣка послѣ того, какъ сказаны были эти слова политическимъ дѣятелемъ, стоявшимъ у самаго вѣлкана революціи, мотивы рѣчей Барера противъ дуэли послышались въ генераль-прокурорскомъ заключеніи знаменитаго практическаго юриста Франціи Дюпена. — „Что такое представляетъ собою теорія дуэлей“, говорить Дюпенъ въ кассационномъ судѣ, „какъ не разрушеніе законнаго порядка вещей? Чѣмъ занять дуэлисту, какъ не тѣмъ, что отвергаетъ заурядъ, въ одной общей массѣ, гражданское общество, его законы, его суды, и дѣлаетъ все это для того, чтобы самому стать законодателемъ, судьей и палачомъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, связывая смертную казнь съ самыми ничтожными — чтобы не сказать: съ самыми постыдными — поводами и основаніями“. Таковъ смыслъ одного изъ беспощаднѣйшихъ анализовъ дуэли съ точки зрѣнія права и многихъ интересовъ общественной жизни, руководимой этимъ правомъ. •

Въ общемъ выводѣ изъ всего, что сказано выше, казалось бы, можно было сдѣлать такое заключеніе: *дуэль есть общественное явленіе,*

къ которому, въ разное время и различными людьми на всемъ пространствѣ образованнаго и христіанскаго міра, примѣняема была лишь одна мѣрка безусловнаго осужденія и отрицанія. А разъ это такъ, значитъ, дуэль представляетъ уже теперь собою нѣчто слабое, беспочвенное, осужденное на скорое исчезновеніе съ лица земли. Но такое заключеніе было бы невѣрнымъ и одностороннимъ, такъ какъ не трудно убѣдиться, что были, и теперь еще существуютъ, сторонники дуэли, которая до сихъ поръ выходила невредимою и жизнеспособною изъ подъ ударовъ своихъ противниковъ. П приходится также сознаться, что борьба съ нею государства, законодательства и даже общественнаго мнѣнія, отъ котораго всѣ ожидаютъ наиболѣе добраго вліянія на дуэли, далеко не вездѣ и не въ равной степени привела къ положительному результату.

Въ самомъ дѣлѣ, между юристами разныхъ эпохъ, отъ Бартола, Балды и Андреа Альчіати до защитниковъ студенческихъ дуэлей въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія, были великіе поклонники дуэли, составители ея правилъ, разрѣшители отдѣльныхъ спорныхъ случаевъ, хранители и законодатели дуэльныхъ формальностей и обрядовъ. Убѣжденіе этихъ людей въ пользу дуэли было такъ велико, что, по выраженію одного изъ нихъ,—неаполитанца Кароло-ди-Токко,— „слѣдуетъ всячески сохранять обычай дуэли, если бы даже онъ имѣлъ только дурную сторону“. Подъ вліяніемъ такихъ энтузіастовъ поединка, создавалась въ Италіи цѣлая наука дуэллированія (*Scienza cavalleresca*),—возникъ орденъ Свят. Георгія, патрона рыцарей, „для защиты древняго и достойнаго учрежденія—дуэли“. Прославленіе и изученіе обычаевъ дуэли пошло далѣе, за предѣлы Италіи: въ Германію, Голландію и болѣе всего—во Францію, гдѣ является передъ нами блестящая группа поклонниковъ дуэли и комментаторовъ ея правилъ въ лицѣ Оливье-де-Ламаршъ (XV в.) *Одилье*, *Коломбера*, отчасти самого *Монтэня* и въ особенности—умнаго и глубоко образованнаго, саркастическаго и жизнерадостнаго *Брантома*. Но это не все. Никого, конечно, не удивитъ тотъ фактъ, что нѣсколько столѣтій тому назадъ, были энтузіасты и доктринеры дуэли,— что, въ ту далекую отъ насъ пору, въ фатальномъ исходѣ боевой встрѣчи у барьера многіе люди добросовѣстно усматривали актъ очищенія и воздаянія виновному по справедливости, и чуть ли даже не при участіи воли самаго божества. Но не всякій изъ насъ повѣритъ тому, что, не ранѣе какъ въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, такой выдающійся научный гений, какимъ былъ *Кювье*, склонялся къ мнѣнію о культурномъ значеніи дуэли для Франціи, гдѣ, „среди храброй, воинственной и цивилизованной націи,

отношенія людскія покоятся на основахъ взаимности, — гдѣ, слѣдовательно, честь и даже такъ называемое „point d'honneur“, т. е. превеличеніе этого благороднаго чувства, представляетъ собою звено, которымъ закрѣпляются и утонченная вѣжливость и добрыя связи между людьми.... Отгнѣять и даже только порицать дуэль у такой націи, какова французская, значило бы опрокидывать преграду, передъ которою останавливаются энергическія и пылкія страсти, одушевляющія этотъ народъ, и даже ослаблять тотъ принципъ, который составляетъ прелесть, лойяльность и великодушіе нашего національнаго характера“. „Нельзя отгнѣять студенческую дуэль, говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ профессоровъ, *Михаэлисъ*, потому что право дуэллированья нравственно улучшаетъ студентовъ, дѣлая ихъ скромнѣе, осторожнѣе и вѣжливѣе, чѣмъ они могли-бы быть при отсутствіи дуэлей“ (...Macht die jungen Leute bescheidener, vorsichtiger und höflicher, als sie sonst sein würden...). „Наибольшая и лучшая часть нашего общества“, замѣчаетъ другой извѣстный нѣмецкій профессоръ-историкъ университетовъ Германіи и другихъ странъ Западной Европы, *Мейнерсъ*, „убѣждена, что есть такія оскорбленія, за которыя не въ силахъ дать удовлетворенія никакой судьи, и что, съ другой стороны, есть такія оскорбленія, позоръ которыхъ только увеличивается и обостряется въ силу постановленія приговора судьей“. — „Кто переноситъ оскорбленіе, не требуя удовлетворенія“, до сихъ поръ еще твердитъ (по наблюденіямъ хорошаго знатока германской жизни—профессора *Гнейста*) многочисленный хоръ голосовъ въ Германіи, — „тотъ или сознаетъ себя виновнымъ, или же въ томъ притупилось чувство чести, перестало биться мужественнымъ темпомъ сердце въ груди его, и того одолѣлъ страхъ смерти. Что же остается дѣлать въ случаѣ нанесеннаго оскорбленія? Взять въ руки мечъ и принудить похитителя моей чести возвратитъ мнѣ ее, вступивъ съ нимъ въ борьбу, съ тѣмъ чтобы побѣдить или умереть. Если я выйду побѣдителемъ, то и честь моя останется чистою, безъ одинаго пятна; если же я паду подъ ударомъ, то всячески кровью моею очищается моя честь, такъ какъ для меня лучше потерять жизнь, нежели честь“.

Теперь, когда передъ нами прошли длинною параллелью два ряда рѣзко-противоположныхъ взглядовъ на сущность, на общественное и нравственное значеніе дуэли, — для всѣхъ и cadaго будетъ ясно, что вопросъ о дуэляхъ есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ, тонко-сплетенныхъ и спорныхъ вопросовъ. И здѣсь причина, почему вопросъ этотъ можетъ сосредоточивать на себѣ вниманіе и трудъ людей, занимающихся общественными науками. Дуэль есть своего рода сфинксъ,

загадочный ликъ котораго привлекаетъ къ себѣ не только юриста *ex professo*, но и психолога, желающаго опредѣлить силу и вліяніе идей, страстей и предрасудковъ человѣческихъ въ дѣлѣ устройства людскихъ отношеній,—но и моралиста, возмущеннаго цинизмомъ и бездушнымъ холодомъ повелѣнія теоріи дуэли убивать ближняго ради эгонистическаго интереса отдѣльной личности, но и историка культуры, наблюдающаго, въ смѣнахъ разныхъ состояній дуэли, неустанную и полную драматизма борьбу этого мрачнаго учрежденія съ великою арміею многихъ другихъ, болѣе свѣтлыхъ, добрыхъ и прогрессивныхъ силъ въ человѣческомъ обществѣ. Таковъ мой отвѣтъ на вопросъ, поставленный мною выше: почему я избралъ темою для настоящей бесѣды нашей вопросъ о дуэляхъ;—я взялъ эту тему, имѣя въ виду придти, путемъ историческаго освѣщенія дуэли на ея родной почвѣ, къ объективному отвѣту на вопросъ о томъ: что такое—дуэль для современной эпохи, и въ какое отношеніе къ дуэли должны ставить себя правовое государство, законодательство, судъ и общественное мнѣніе въ странахъ христіанско-европейской культуры?

Исторія дуэли—предметъ обширный и сложный по своему матеріалу—можетъ быть упрощена и облегчена, если свести все ея содержаніе къ двумъ главнымъ пунктамъ: а) возникновенію (генезису) и б) послѣдовательному измѣненію (эволюціи) поединка. Наиболѣе трудностей и даже опасностей для изслѣдованія, конечно, оказывается въ первомъ пунктѣ—въ генезисѣ дуэли, гдѣ такъ легко увлекаться самыми смѣлыми предположеніями, и гдѣ можно, какъ выразился одинъ итальянскій критикъ: „Зажигая лампаду, наполнять свою комнату, вмѣсто свѣта, копотью и дымомъ“ (*Quando accende il suo lume, riempie la casa di fumo piuttosto che di luce*). Такъ оно и было въ старыя годы, въ литературѣ нашего предмета; нашлись почтенные ученые разныхъ національностей, которые усмотрѣли первую пару дуэлянтовъ въ лицахъ Каина и Авеля, послужившихъ будто бы первообразомъ для Давида и Голиафа,—Ахилла и Гектора, Горація и Куріаціевъ. Я не стану здѣсь заниматься разборомъ подобныхъ сказаній, тѣмъ болѣе, что они нашли уже себѣ сильнаго отрицателя въ лицѣ французскаго ученаго, Банажя (первой половины XVIII ст.). Скажу лишь одно, что досужая фантазія антикваріевъ смѣшала совершенно-разнородные факты: единоборство, какъ отдѣльный эпизодъ международной войны, и „самовольную расправу между частными лицами за причиненное оскорбленіе“.

Историческая истина по вопросу о происхожденіи дуэли стоитъ на сторонѣ болѣе научныхъ гипотезъ о зарожденіи этого обычая на почвѣ Германіи. Таково мнѣніе цѣлаго ряда первостепенныхъ ученыхъ:

Россгирта, Миттермайера, Гнейста, Коши и мног. др.— Я считаю эту гипотезу „научною“ потому, что она, дѣйствительно, опирается на очень вѣскіе факты, поводы и соображенія. Главную роль при этомъ играетъ, конечно, національный характеръ германскаго народа: его, выходящая изъ ряда, воинственность,—его любовь къ независимости,—его, сначала инстинктивное, а потомъ сознательное, стремленіе къ поддержанію этой независимости во всѣхъ сферахъ жизни,—его особенная, ревнивая заботливость о неприкосновенности лица, самостоятельно, вооруженною рукою охраняющаго и свое достоинство, и всѣ свои дорогіе интересы. „Кому дозволено носить мечъ при бедрѣ, съ давнихъ поръ рассуждалъ германецъ, тому можно и должно защищать этимъ самымъ мечомъ свое право“: вотъ афоризмъ, на которомъ изъстари установился принципъ дуэли, какъ охранѣ личной чести, и у примитивнаго тевтона, и у крестоносца-рыцаря, и у дворянина-феодала, и у студента-члена многочисленныхъ, горделивыхъ своимъ достоинствомъ, университетскихъ корпорацій. Древній Тевтонъ думалъ и чувствовалъ, что „германская честь тождественна съ возможностью отразить своею рукою всякое оскорбленіе, всякую обиду“. Германскій студентъ писалъ въ своемъ „Комментѣ“ (обычномъ правѣ): „Ob Jemandes Ehre verletzt ist, bleibt dem Gefühle eines jeden Individuum überlassen“. „Германскій рыцарь“, какъ говоритъ талантливый русскій публицистъ 40-хъ годовъ, авторъ статьи „Объ историческомъ развитіи чести“,—„германскій рыцарь *кромѣ оружія и матеріальной силы не находилъ себѣ другаго оплота. Рыцарь былъ прежде всего воинъ, побѣдитель; подозрѣніе въ трусости и неумѣніи владѣть мечомъ было высшимъ оскорбленіемъ.... Поединокъ былъ совершенно на мѣсть у этого военнаго братства. Кто судья надъ рыцаремъ, какъ не онъ самъ, какъ не равный ему противникъ?* Для горожанина, для простолюдина существуетъ судебное мѣсто; но *развѣ рыцарь подсудимъ кому нибудь въ дѣлѣ чести?* И что государство и его законъ за мѣрило, за возмездникъ его оскорбленію? Онъ самъ себѣ достанетъ право — *копьемъ, мечомъ. Зачѣмъ онъ, оскорбленный, пойдетъ искать юридической расправы, когда онъ не вѣритъ въ ея возможность возстановить честь; онъ ищетъ собственною опасностью, смертью, свой судъ и въ немъ оправданіе себя въ чужихъ глазахъ и своихъ, казнь виновнаго согласно съ рѣшеніемъ небеснымъ.... Не надобно забывать.... что древне-германскій и рыцарскій поединокъ имѣли религіозную основу и нравственную. Нравственный принципъ поединка состоитъ въ томъ, что истина дороже жизни. Мало сознавать достоинство своей личности; надобно, сверхъ того, понимать, что съ утратою его бытіе становится ничтожно; на-*

добно быть готовым испустить духъ за истину,— тогда ее уважають, Рыцарство давало (человѣку) копье и ставило его вѣчнымъ стражемъ своей чести. И онъ былъ величественъ—этотъ стражъ! Да, этотъ человекъ, съ поднятымъ челомъ, опертый на копье, величаво и гордо встрѣчающій всякаго, увѣренный въ своей самостоятельности.... былъ высокъ и полонъ поэзіи“.

Вотъ какіе элементы находились на почвѣ Германіи для того, чтобы создать скоропреходящую, но блестящую идеализацію дуэли. Вотъ какими вліяніями и условіями среды, дѣйствительно, можетъ быть объяснено, съ наибольшою близостью къ истинѣ, происхождение реальной, не идеализированной дуэли, какъ отдѣльнаго, но не разрозненнаго, звена въ цѣлой цѣпи германскихъ учреждений. Если, какъ замѣчаетъ Гнейстъ, вся древне-германская система права предполагаетъ частную войну (*setzt die Fehde voraus*); если вліяніемъ международной войны создана была власть конунговъ (королей Германіи); ежели оружіемъ устанавливались у германцевъ даже правовые институты (наслѣдственнаго права); ежели у германцевъ не было настоящаго уголовного права, а было лишь одно боевое право (феда): то понятно, почему въ древне-германскомъ процессѣ получилъ такое значеніе судебный поединокъ, т. е. особый видъ дуэли, какъ частной войны, съ явственными признаками ордалии (суда Божіи) и преюдиціального доказательства. Такимъ образомъ зарожденіе дуэли (генезисъ ея) можетъ быть выражено въ слѣдующихъ положеніяхъ или тезисахъ: а) дуэль современная есть учрежденіе, имѣющее многовѣковую исторію, и возникшее изъ примитивныхъ учреждений Германіи; б) нельзя считать современную дуэль только переживаніемъ господствовавшаго въ средніе вѣка судебного поединка; не меньшую, а можетъ быть даже и большую, роль въ данномъ случаѣ играли религіозныя вѣрованія германцевъ, нравственныя ихъ понятія, идея о независимости свободной личности въ сферѣ извѣстныхъ правъ, защита которыхъ остается внѣ компетенціи и юрисдикціи не только общины, но и государства, а также идея о чести и о послѣдствіяхъ потери ея въ силу полученныхъ обидъ и оскорбленій.— в) Расходясь совершенно съ римскими понятіями о гражданской чести какъ объ отраженіи непреходящаго величія государства въ личномъ достоинствѣ гражданина, германцы (какъ доказалъ это между прочимъ Миттермайеръ) „считали каждаго оскорбленнаго человекъ безчестнымъ, лишали его всѣхъ преимуществъ, устранили его отъ турнировъ, исключали изъ гильдій и цеховъ до тѣхъ поръ, пока онъ оставилъ неотомщеннымъ и несмытымъ свой позоръ и свое пятно; начинать на судѣ гражданскій процессъ считалось постыднымъ, и оставалось лишь одно

средство: браться за мечъ и искать остріемъ его удовлетворенія въ честномъ бою, если только обидчикъ былъ равнаго сословія“. Ясно, что при такихъ понятіяхъ и учрежденіяхъ, дуэль была логически-необходима и совершенно на мсть у германцевъ.

Что касается эволюціи (процесса послѣдовательнаго развитія) поединковъ, то и здѣсь сущность дѣла сводится къ поступательному измѣненію образовъ и формъ того общественнаго явленія, которое мы называемъ дуэлью или поединкомъ, а именно: къ замѣнѣ феде и судебного поединка дуэлью той конструкціи, которая существуетъ, съ второстепеннымъ дифференцированіемъ, до настоящаго времени. Такъ было во Франціи, и не было иначе ни въ Англіи, ни въ другихъ странахъ германо-романскаго міра (б. м. за исключеніемъ Испаніи, въ законодательныхъ памятникахъ и даже въ обычаяхъ которой не обозначается съ такою ясностью, какъ у другихъ народовъ средневѣковой Европы, институтъ судебного поединка). Отсюда историки дуэли допускаютъ такую періодизацію фактовъ дуэли для Франціи: 1) періодъ отъ вторженія германскаго до 13-го столѣтія, когда господствуютъ феде и поединки; 2) періодъ отъ 13-го до конца 15-го столѣтія, когда или запрещаются законами и правительствомъ, или умираютъ сами собою, отъ собственной слабости, феде и судебные поединки, при зачаткахъ образованія дуэли новой конструкціи изъ формы рыцарскихъ поединковъ ради вопросовъ чести между двумя комбаттантами; 3) періодъ отъ 16-го столѣтія до революціи, когда окончательно складывается и чрезвычайно распространяется подъ испано-итальянскимъ вліяніемъ [ср. Tarde, *Études penales et sociales*, 1892. pp. 22, 23] дуэль новой конструкціи вопреки законамъ и волѣ правителей государствъ; 4) періодъ отъ конца XVII-го столѣтія до нашихъ временъ, когда дуэль, потерявъ несомнѣнно свою недавно еще громадную силу, сосредоточивается главнымъ образомъ во Франціи, дифференцируясь въ невѣдомыхъ до революціи 1789 г. формахъ политической или парламентской, даже литературной и диффамационно-газетной, дуэли. Само собою разумѣется, что, несмотря на аналогію въ общемъ ходѣ и въ крупныхъ чертахъ эволюціи дуэли въ различныхъ государствахъ западной Европы, не можетъ быть и рѣчи о безусловномъ приложеніи французской періодизаціи къ историческому развитію хотя бы германской или англійской дуэли. Необходимы частичныя измѣненія и оговорки. Такъ, между прочимъ, въ Англіи произошли, нѣсколько позднѣе, тѣ же самыя „измѣненія образовъ и формъ“ дуэли, какія раньше совершились во Франціи; гораздо позднѣе (какъ думаютъ нѣкоторые историки дуэли, — только со времени норманскаго завоеванія) появилась судебная дуэль въ Англіи

(trial by battle), фактически продержавшаяся тамъ до конца XV столѣтія, но de jure отмѣненная еще позже—въ 1819 году. Такъ, далѣе, столѣтіемъ позже, чѣмъ во Франціи, распространилась дуэль новой конструкціи въ Англіи, развернувшись здѣсь съ особенною силою только послѣ реставраціи Стюартовъ. Въ Германіи также не ранѣе 30 лѣтней войны замѣчается особенное развитіе дуэлей новаго типа, хотя первые случаи студенческихъ дуэлей съ признаками duel à outrance и фатальнымъ исходомъ относятся къ 16-му столѣтію. Но за то, въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го столѣтія, устанавливается полная аналогія въ свойствахъ и результатахъ дуэлей между Франціею, Германіею и Англіею,—и если лѣтописцы французскихъ дуэлей насчитываютъ тысячами молодыхъ дворянъ, павшихъ жертвами дуэлей, то и историки германскихъ университетовъ (ср. Мейнерса и Мейфарта) сознаются, что „можно было бы составить цѣлый отрядъ изъ студентовъ, которые избиты, изрублены и совсѣмъ убиты на дуэляхъ“. Тѣмъ рѣзче, при такомъ процессѣ объединенія, выдѣляется въ Германіи, правда—единичный, фактъ переживанія древняго обычая судебного поединка: еще въ 1804 году, т. е. въ самомъ разгарѣ наполеоновскихъ войнъ и въ послѣднія минуты жизни феодальной Германской Имперіи, нѣкій баронъ фонъ-Линзингенъ обращался въ Рейхстагъ съ просьбою „о принужденіи Курфюрста Гессенскаго доказать передъ Божескимъ судомъ, остріемъ меча, свои неосновательныя притязанія на Инсбергъ“.

Какою-же оказалась на дѣлѣ эта новая форма дуэли, несомнѣнно упрощенная со стороны своихъ обрядностей, несомнѣнно выкинувшая изъ себя съ теченіемъ времени мистическую идею ордали и получившая какъ бы договорный характеръ, со всѣми тѣми предположеніями свободной воли и непринужденнаго согласія, которыя составляютъ азбучное положеніе теоріи права? Въ XVI и XVII столѣтіяхъ дѣйствіе этой дуэли приравнивается къ дѣйствію эпидеміи почти во всѣхъ странахъ и государствахъ западной Европы, не исключая Англіи и Германіи, но особенно во Франціи, гдѣ, подъ вліяніемъ моды и нравовъ Италіи и Испаніи, дворянствомъ овладѣло какое-то дуэльное безуміе, по мѣткому выраженію Коши. Здѣсь статистика жертвъ дуэли принимаетъ страшные размѣры: 6,000 или даже 8,000 дворянъ гибнутъ на дуэляхъ отъ конца второй половины XVI-го и до начала XVII вѣка. Четыре тысячи дворянъ падаютъ на поединкахъ въ короткій срокъ первыхъ 8 лѣтъ царствованія малолѣтняго Людовика XIV-го,—и тогда же начинается цѣлый рядъ дуэлей, гдѣ комбатантами выступаютъ женщины, которыя дерутся не только между собою, но и съ мужчинами, и притомъ, иногда, съ роковымъ исходомъ для послѣднихъ. Такъ, при Людовикѣ XIV,

актриса Мопенъ (M-lle Maurin)—женщина необыкновенной физической силы и артистически владѣвшая шпагой — убила на дуэли трехъ, вызванныхъ ею на поединокъ, мужчинъ. Поводомъ къ этой поразительной дуэли было оскорбленіе, которое г-жа Мопенъ, на балу, нанесла другой дамѣ—хорошей знакомой трехъ вступившихся за нее кавалеровъ; но едва ли не поразительнѣе всего въ этомъ дѣлѣ рѣшеніе, положенное королемъ, вообще очень строго каравшимъ дуэлястовъ: „... Elle obtint sa grace du roi“, говоритъ биографъ этой ужасной женщины; — „ce serait donc pour une femme de mauvaise vie, que Louis le Grand se serait départi de sa grande sévérité contre les duels“. — Мопенъ какъ бы получила премію за безнравственность, усложненную человѣкоубійствомъ. Свирѣпая дуэль, болѣе приличная любому ландскнехту изъ эпохи 30 лѣтней войны, чѣмъ женщинѣ, сдѣлала убійцу трехъ молодыхъ людей знаменитостью моднаго и жуирующаго свѣта. Скоро послѣ дуэли своей, Мопенъ уѣхала въ Брюссель, гдѣ почтилъ ее своими особыми милостями Курфюрстъ Баварскій. Можно еще привести разсказъ Талемана (цитир. у Тарда, „Etudes pénales et sociales“, 23) объ одномъ, истинно-чудовищномъ, въ области дуэли, явленіи: „Une M-me de Saint-Balmon“ — говорятъ хроникеръ — „a tué ou fait prisonniers de sa main, dans des duels ou des combats, plus de 400 hommes“... Такая человѣческая бойня, устроенная въ формѣ дуэли женщиной, оставляетъ, несомнѣнно, въ тѣни подвиги другой знаменитости высшаго дуэльнаго свѣта—нѣкоего кавалера Андриё, гордившагося тѣмъ, что ему, на 30-му году своей жизни, удалось убить болѣе 70 человѣкъ по всѣмъ правиламъ фехтовальнаго искусства! „Стоитъ только прочесть какойнибудь разсказъ о придворныхъ нравахъ при послѣднихъ Валуа... чтобы увидѣть сколько вѣроломныхъ засадъ, сколько хладнокровной свирѣпости, сколько замаскированныхъ убійствъ прикрывалось именовъ дуэли“—говоритъ Тардъ;—и это вѣрно до послѣдней буквы въ разсказѣ, написанномъ талантливымъ французскимъ социологомъ.

Многіе отдѣльные случаи дуелей между мужчинами поражаютъ своею жестокостью, своею демоническою способностію соединять виѣшнее изящество нравовъ съ кровожадностію убійцы по ремеслу. Появляется, особенно во Франціи и въ Италіи, типъ своего рода артистовъ мрачнаго художества истреблять людей „искусства ради“, изъ-за удовольствія нанести ловкій ударъ противнику, сдѣлаться знаменитостью дня среди моднаго свѣта, получить похвалы въ родѣ тѣхъ, какія рсточаются до сихъ поръ „первой шпагѣ“ за ея подвиги виртуоза-мясника на бояхъ быковъ въ Испаніи. — Прибавимъ, что подобныя злодѣйства, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, бывали лишены сколько

нибудь серьёзныхъ поводовъ и основаній и совершались по внушенію пресловутаго и непереводаимаго на русскій языкъ *point d'honneur*, противъ котораго тщетно вооружаются всею своею силою законодатели и правители Франціи, Германіи, Англіи и мног. др. (См. текстъ французскаго эдикта противъ дуэлей 1643 года: „... *Ce faut point d'honneur qui, par l'artifice du démon, a passé jusqu'ici dans l'esprit de notre noblesse pour une inévitable quoique cruelle nécessité*“ etc.—Сравн. текстъ запрещенія Тридентскаго Собора, въ анафемѣ противъ дуэлей: „*Usus detestabilis, fabricante diabolo, introductus*“ etc.).

Параллельно съ такимъ развитіемъ дуэли, возникло мало по малу во Франціи законодательство, направленное противъ злоупотребленія поединками въ аристократическихъ сферахъ французскаго общества, которое хранило, какъ священное преданіе, старинную формулу знаменитаго средне-вѣковаго юриста Бомануара: „*Autre que gentilhomme ne peut guerroyer.*—Остальная масса народная, со включеніемъ средняго сословія, держалась пока въ сторонѣ отъ макабровой пляски энтузіастовъ дуэли, которые съ удовлетвореннымъ чувствомъ сословнаго предразсудка встрѣтили законъ 1651 года, опредѣлявшій жестокия казни плебейству и буржуазіи за вызовъ на дуэль родовитыхъ людей и монополистовъ поединка („... *Nous voulons et ordonnons, говорятъ текстъ этого закона, qu'en tel cas... les dits ignobles ou roturiers, qui seront dument atteints et covaincus d'avoir causé et promu de semblables désordres, soient sans rémission pendus et étranglés*“ etc...)). Но возлѣ законовъ, какъ бы охраняющихъ привилегію дворянскихъ поединковъ, правители Франціи постановили сильныя репрессивныя мѣры противъ тѣхъ-же самыхъ монополистовъ дуэли въ длинномъ ряду эдиктовъ, начавшихся въ XVI столѣтіи и закончившихся знаменитымъ эдиктомъ 1679 года. Этотъ эдиктъ „великаго короля“ остался главнымъ дѣйствующимъ закономъ о дуэляхъ во Франціи до самой революціи 1789 и, по мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ французскихъ, не потерялъ своей силы, по существу, въ промежуточный періодъ отъ 1789 г. до іюльской монархіи.—Но что несомнѣнно—такъ это вліяніе эдикта 1679 года на постановленія о дуэляхъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы, между прочимъ въ Пруссіи и въ Испаніи, гдѣ вліянію такому, конечно, способствовало вступленіе французскаго принца на престолъ Фердинанда и Изабеллы католической.

Уже отсюда видно, что эдиктъ Людовика XIV-го былъ, во всякомъ случаѣ, очень крупнымъ явленіемъ въ цѣломъ итогѣ законовъ, пытавшихъ устранить и ослабить несомнѣнное общественное зло. Вотъ почему кажется мнѣ незаслуженнымъ слишкомъ строгій приговоръ одного изъ

историковъ дуэлей (Фужеру) надъ цѣлымъ законодательствомъ старой Франціи по вопросу о дуэляхъ (... Tout était... mensonge, hypocrisie, comédie dans le langage législatif... etc.). Что касается эдикта 1679 года, то законъ этотъ можно укорить скорѣе всего за слишкомъ большую и откровенную суровость, вошедшую въ эдиктъ Людовика XIV по традиціи отъ болѣе раннихъ памятниковъ уголовнаго права вообще и репрессивнаго законодательства противъ дуэлей въ частности, освободивъ его отъ упрека въ лживости и лицемеріи. Въ тѣ времена, никто и нигдѣ не зналъ мягкихъ законовъ; напротивъ, вездѣ доходили до такого напряженія карательной функціи, что представлялась фактическая невозможность буквальнаго примѣненія закона, при самомъ серьезномъ и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу со стороны исполнителя.

Великіе государственные люди Франціи—*Сюлли* и *Риншельё*—прекрасно понимали этотъ недостатокъ въ законодательной политикѣ своего вѣка;—не стѣсняясь, обращали они на него вниманіе королей; но и эти *Maëstri* въ дѣлѣ управленія были безсильны противъ установившейся рутины беспощадности и безразличія въ приложеніи уголовнаго закона ¹⁾.—Далѣе, одинъ изъ крупныхъ недостатковъ эдикта 1679 года, это предоставленіе маршальскому суду, какъ спеціальному трибуналу по дѣламъ о дуэляхъ, слишкомъ энергичнаго, скорѣе инквизиціоннаго, чѣмъ посредническаго вмѣшательства въ частную жизнь и дѣятельность гражданъ. Хорошая цѣль—предупредить въ самыхъ тайникахъ семейныхъ и частныхъ отношеній возникновеніе новодовъ къ оскорбленіямъ, къ нарушеніямъ нравственности, а слѣдовательно и къ дуэлямъ:—цѣль эта не оправдала сомнительнаго средства.—Но за то, съ другой стороны, однимъ изъ наиболѣе крупныхъ достоинствъ эдиктовъ Людовика XIV должна остаться, едва-ли не первая во Франціи, попытка—дать точное, конкретное опредѣленіе наказаній за отдѣльныя, „in specie“ обозначенныя категоріи обидъ и оскорбленій. Болѣе раннія законоположенія (при Карлѣ IX, Генрихѣ III и даже Генрихѣ IV) грѣшили тѣмъ, что или предоставляли произволу судей (*Magéchaux de France, Cousins du Roi*) выборъ не только степени и вида, но даже рода наказаній, или же устанавливали лишь одинъ родъ наказаній за всѣ возможные роды и ви-

¹⁾ „... La multitude de ceux, писалъ Риншельё въ 1626 году, qui se battoient étoit si grande, et les peines ordonnées par les édits précédents si rigoureuses, que le roi avoit peine de les faire punir, d'autant que ce n'eut plus été un effet de justice, qui est d'en châtier un petit nombre pour en rendre sages beaucoup, mais plutôt un effet d'une rigueur barbare qui est d'étendre la punition à tant de personnes qu'il semble n'en rester plus quipuissent s'amender par l'exemple“.

ды обидь и оскорбленій. „Судья какъ бы имѣлъ передъ собою клавиатуру, казней и бралъ такую ноту, какую желалъ самъ“. А между тѣмъ удачная законодательная разработка вопроса объ обидяхъ и оскорбленіяхъ есть—если можно такъ выразиться—одно изъ вѣрныхъ профилактическихъ средствъ противъ дуэльной болѣзни. (... „Will man nun—говорить Миттермайеръ—dem traurigen Übel der Duelle vorbeugen, so muss man...für sichere zweckmässige Gesetze gegen Beleidigungen Sorge tragen... Hier aber stossen wir auf einen Punkt der eine bedeutende Lücke unserer Gesetzgebungen nachweist...“).— Въ заключеніе, нельзя не указать на тотъ фактъ, что число дуэлей, бывшее столь значительнымъ еще въ періодъ дѣтства Людовика XIV, снизошло до такого минимума, какого никогда еще не видала Франціи прежде царствованія „Великаго Короля“ своего.

Съ эпохою *регентства*, когда во главѣ Франціи сталъ человѣкъ, получившій отъ Людовика XIV далеко не лестное прозвище „Фанфарона Порока“ (Fanfaron du Vice), наступила открытая терпимость относительно дуэлей. Одна изъ женщинъ-писательницъ тогдашней Франціи, мемориалистка Маркиза Créqui, постоянно жалуется на многочисленность дуэлей, замѣчая однако, что многіе поединки временъ регентства обнаруживаютъ признаки измелеченія и опошленія и въ поводахъ и въ герояхъ своихъ. Такъ столица Франціи была однажды оскандализована открытою, дневною дуэлью двухъ гвардейскихъ офицеровъ возлѣ всѣмъ извѣстной, исторической террасы въ Тюильри, и поводомъ къ нарушенію военными людьми особенно строгаго для нихъ закона послужилъ споръ изъ за обладанія... ангорскою кошкою! Водевильный поединокъ этотъ закончился достойною буффонадой самаго регента: призвавъ къ себѣ виновныхъ („roug les charitres, какъ выражается М-me Créqui“) онъ выѣнилъ дуэлянтамъ въ особую вину то обстоятельство, „что они дрались не ногтями, а на шпагахъ“ (...M-r le Régent leur dit qu'il n'auraient du s'attaquer qu'avec les ongles). Чрезвычайно характеристична знаменитая дуэль на пистолетахъ Маркизы Дювель и графини или герцогини Полиньякъ.

Въ царствованіе Людовика XVI-го, произошло, почти съ первыхъ годовъ воцаренія этого государя, замѣтное уменьшеніе дуэлей, и нашлись сейчасъ-же мыслители и публицисты, которые приписали явленіе это прочно водворившемуся прогрессу. Проновѣди Руссо и филиппики Вольтера—думали эти почтенные идеалисты—нашли, наконецъ, для себя добрую почву на которой уже не будутъ болѣе произрастать такіе ядовитые злаки, какими была отравляема, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, благородная кровь французскаго народа.—„Въ настоящее время,

пишетъ нѣкто Мерсье (Mercier), авторъ книги: „Tableau de Paris“, 1780 года, трость замѣнила у насъ шпагу, которой болѣе не носятъ, и нѣтъ болѣе тѣхъ ссоръ и споровъ, столь многочисленныхъ 60 лѣтъ тому назадъ, когда текла нерѣдко кровь человѣческая изъ за пустяковъ. Нравы, скорѣе чѣмъ законы, произвели такую перемѣну; иначе было бы крайне трудно воспретить ношеніе оружія. Парижанинъ самъ обезоружилъ себя... Дуэли прежде были часты; теиерь онѣ рѣдки. Строгіе законы Людовика XIV-го оказали менѣе сильное воздѣйствіе на умы, чѣмъ мирный и кроткій свѣтъ философіи. Парижане почувствовали, наконецъ, что имъ не слѣдовало терзать другъ друга, подобно звѣрямъ, изъ за химеры, называемой Point d'honneur“.

Интересное наблюденіе, сдѣланное авторомъ только что приведенныхъ мною строкъ, отразило въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, благородныя стремленія и возвышенныя идеи лучшихъ людей въ концѣ XVIII столѣтія; но наблюденіе это не уловило всего того, что было въ дѣйствительности. И въ царствованіе Людовика XVI-го, обычай дуэлей проявлялъ свою силу и живучесть въ поединкахъ,—правда, менѣе многочисленныхъ, но чрезвычайно серьезныхъ по высокому положенію комбатантовъ—принцевъ крови: герцога Бурбонскаго и графа Д'Артуа, впоследствии короля Карла X-го.—Характерное ничтожество поводовъ къ этому поединку, вызванному дурнымъ вліяніемъ мелкихъ женскихъ страстей въ королевской семьѣ, не сглаживается и не преобразуется рыцарскимъ проведеніемъ опаснаго акта дуэли со стороны обоихъ принцевъ. Дуэль эта, надѣлавшая, въ свое время, большого шума въ цѣлой Европѣ, окончательно закрѣпила за Франціею до-революціонной эпохи репутацію страны дуэлей по преимуществу.

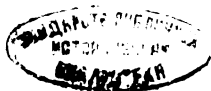
„Франція есть отечество дуэлей“—говоритъ въ своихъ мемуарахъ графъ Тилли, типичный представитель золотой молодежи XVIII столѣтія,—самъ отчаянный игрокъ, неутомимый ловеласъ и безстрашный дуэллистъ: „я проѣхалъ большую часть Европы, путешествовалъ въ новомъ свѣтѣ,—живалъ между военными людьми и между придворными;—но нигдѣ не встрѣчалъ я такой пагубной щекотливости, которая на каждомъ шагу создаетъ для себя обиды, оскорбленія и вызовы.—Откуда-же происходитъ у французовъ, характеръ которыхъ слишкомъ благороденъ для того, чтобы быть мстительнымъ, эта наклонность биться на дуэляхъ изъ за предметовъ, въ большинствѣ случаевъ мало серьезныхъ? Отъ воспитанія, отъ одного воспитанія!“.

Высказывалъ-ли графъ Тилли самостоятельную свою мысль, или-же усвоилъ ее, встрѣчаясь въ парижскихъ солонкахъ съ читателями и почитателями „Эмиля“ и „общественнаго договора“—я не знаю. Но въ

словахъ умнаго, хотя и легкомысленнаго, искателя интересныхъ приключеній и сильныхъ ощущеній слышится отзвукъ истины. Не вѣдая, не гадавъ объ этомъ, графъ Тилли сошелся въ своемъ воззрѣннн на дуэль съ серьезнымъ юристомъ—тогдашнимъ генераль-прокуроромъ Франціи. „Ce qu'il faut“, говорилъ послѣдній, излагая одно изъ своихъ заключеній по дѣлу о поединкѣ,—„pour détruire ce cruel préjugé, c'est la force de l'éducation et de la morale, c'est de faire sentir de bonne heure à la jeunesse ce que ce préjugé a d'absurde et de barbare“.—Наступили событія 1789 года, отъ которыхъ можно было ожидать крупныхъ и радикальныхъ измѣненій въ области дуэли. Будучи враждебною старому порядку вещей, и въ особенности—феодализму и аристократіи, съ которыми такъ тѣсно связана исторія дуэлей, французская революція, казалось бы, должна была неизбѣжно отиѣнить дуэль вмѣстѣ со всѣми другими привилегіями дворянства. Но случилось иначе.—Діатрибы Камилла Дюмулена и Барера противъ дуэлей, которыя приведены мною выше, остались въ хроникѣ того времени какъ личные и, такъ сказать, теоретическія мнѣнія выдающихся политическихъ дѣятелей великаго переворота. Не смотря на временное и довольно острое возбужденіе противъ дуэли, послѣдовавшее за раненіемъ Ламета, одного изъ популярныхъ народныхъ вождей въ начальномъ періодѣ революціи, на поединкѣ съ герцогомъ Де-Кастри, дуэль пережила и эту шумную, но скоропроходящую грозу, благодаря идеализму и вѣрѣ въ улучшающую силу прогресса со стороны большинства средняго сословія.—Изъ депутатовъ трехъ сословій, выражавшихъ свои жалобы и политическія пожеланія на послѣднемъ собраніи „Генеральныхъ Штатовъ“, только духовенство категорически высказалось, всею своею массою, противъ дуэлей. Депутаты отъ дворянства съумѣли выдержать глубокое молчаніе; что же касается средняго сословія, то оно, большинствомъ 98 голосовъ противъ 56, высказало слѣдующее: „нѣтъ нужды въ законахъ противъ дуэлей, такъ какъ есть надежда, что, при благомъ воздѣйствіи просвѣщенія и истинно національнаго воспитанія, люди сами дойдутъ до убѣжденія, что убіеніе ближняго нашего есть, дѣйствительно, преступленіе, а не подвигъ чести“... „Торжество новыхъ идей должно быть дѣйствительнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ всѣ эдикты послѣднихъ вѣковъ монархіи“. „Не смотря на запрещенія Густава Адольфа, дрались подъ висѣлицею; не смотря на мѣры Ришельё, дрались передъ плахою“ etc. „Зачѣмъ, спрашивается, вооружаться намъ сегодня необычною строгостію законовъ для наказанія такого преступленія, которое не будетъ уже завтра существовать среди народа?“ и т. д.—Таковы были всемогущія въ то время идеи, которыя вызвали

умолчаніе о дуэляхъ, какъ объ особомъ преступленіи въ уголовномъ кодексѣ 6-го октября 1791 г.—молчаніе, перешедшее, по традиціи, и въ законодательство императора Наполеона. Не смотря на учащенные напоминанія національнаго собранія, законодательный комитетъ не представилъ ни единого рапорта по вопросу о дуэляхъ.—Затѣмъ послѣднимъ актомъ, окончательно примирившимъ обычай дуэли съ французскою революціею, былъ декретъ законодательнаго собранія, прекратившій всѣ процессы по поводу дуэлей, со всѣми ихъ послѣдствіями—арестами и проч., отъ 14 іюля 1789 года.—Какія-же были послѣдствія отъ всѣхъ этихъ событій для дуэли?—Въ существѣ ея совершилась важная перемѣна: дуэль, аристократическое учрежденіе по исконной природѣ своей и по исторіи своего происхожденія, сдѣлалась демократическою.—„Изъ благороднаго предрасудка она обратилась въ буржуазный *point d'honneur*“.—„Болѣзнь, столь долгое время сосредоточенная въ наименѣе многочисленномъ классѣ общества, расширилась и захватила всѣ другія сословныя группы“.—„Изъ равенства передъ закономъ явилось (для всѣхъ безъ исключенія) равенство передъ поединкомъ“.—„Изъ свободы политической и гражданской вышла во всеоружіи свобода дуэлей“.

При подобныхъ перемѣнахъ, понятнымъ становится фактъ чрезвычайнаго усиленія дуэли въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи. Послѣ только что окончившихся войнъ и политическихъ переворотовъ, которые прекратили дуэли на все время наполеоновскаго режима, подобно тому какъ погашаются болѣе тяжкими болѣзнями менѣе сильныя недуги, осталось слишкомъ много горячаго матеріала и недоконченныхъ счетовъ изъ прошедшаго времени, а наступившая новая эпоха только увеличила злобу дня. Жертвы вчерашняго дня становились господами и утѣснителями нынѣшняго дня. Возлѣ новой королевской арміи съ офицерами изъ эмигрантовъ, рѣзко выдѣлились, еще сильною и тѣсно сплоченною группою, остатки старой наполеоновской арміи, этихъ героевъ гигантскихъ боевъ, съ культомъ своего великаго вождя, съ презрѣніемъ къ правителямъ безъ единого луча военной и политической славы.—Объявилась новая сила—пресса, съ ея фотографіею также новыхъ явленій для Франціи: многочисленныхъ случаевъ борьбы и столкновеній между дѣятелями парламентскихъ учрежденій этой, изъ пепла возродившейся, страны. Возникли безчисленные случаи оскорбленій въ печати, передъ которыми оказывались нѣмыми и безсильными какъ нравы, такъ суды и законодательство. Вызовамъ за диффамацию, дуэлямъ изъ-за парламентскихъ ошибокъ нѣтъ конца.—Съ 1817 года, число дуэлей увеличивается въ давно небываломъ количествѣ какъ въ

Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ. Даже литературные вопросы (напр. вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ) вызываютъ непоимѣрное возбужденіе и влекутъ за собою дуэли, близкія по своей ожесточенности къ дуэлямъ временъ Генриха III-го и IV-го. Знаменитые адвокаты (какъ напри- мѣръ Берриё) получали вызовы за судебныя рѣчи свои. Александръ Дюма дрался на дуэли съ Гальярдё изъ-за спора о правѣ литератур- ной собственности на драму: „Tour de Nestles“. Погибъ Арманъ Кар- рель подъ пистолетомъ Эмиля Жиардена. Повторились случаи дуэлей между женщинами.—Бенжаменъ Констанъ, будучи больнымъ и сидя въ креслахъ, долженъ былъ выдержать дуэль съ графомъ Форбекъ-де-Ин- саръ. Но этого мало: при Людовикѣ Филиппѣ, эпидемія дуэлей охва- тила даже міры торговый и бюрократическій. Газеты за 1833 и 1835 годы рассказываютъ о дуэли торговца шелковыми товарами съ владѣльцемъ дровянаго склада „изъ-за спора о торговыхъ операціяхъ“ (a la suite d'une discussion sur les opérations commerciales), а также о нѣсколь- кихъ другихъ дуэляхъ этой категоріи, и при томъ иногда съ фаталь- нымъ исходомъ.—Газеты отъ 1832—1835 года записали на своихъ столб- цахъ слѣдующіе случаи: полицейскіе офицеры вызываютъ редактора га- зеты „Temps“ за статью, напечатанную по поводу награжденія орде- нами гг. чиновниковъ полиціи; префектъ (чуть-ли даже не сенскій) вызываетъ редактора газеты „Courrier“; субъ-профекты дуэлируютъ съ чиновниками министерства финансовъ и съ товарищами прокуро- ровъ; наконецъ, въ любопытномъ спискѣ этомъ можно поставить дуэль президента королевскаго суда съ адвокатомъ. Оправдалось саркасти- ческое слово Монтэня: „Mettez trois Français aux déserts de Lybie, il ne seront pas un mois ensemble sans se harceler et se quereller“,—а въ наши дни, статистика политическихъ дуэлей во Франціи увеличила свои цыфирные итоги не малымъ количествомъ нѣсколько-водевиль- ныхъ поединковъ, въ дымѣ и въ пыли которыхъ читаются имена Гамбетты, Фурту, Флокё, Деруледа и Буланже.

Главная задача моя окончена. Проведены двѣ крупныя параллели. Сопоставлены мнѣнія людей о дуэли и факты изъ жизни и судебъ са- мой дуэли, какъ учрежденія функционировавшаго, цѣлыя вѣка, среди людей, не смотря на запрещенія закона, на проклятія церкви, на осуж- денія представителей великихъ культурныхъ силъ: науки и развитаго, обогащеннаго этою наукою, разума. Остается теперь сказать нѣсколько объяснительныхъ и заключительныхъ словъ съ тою цѣлью, чтобы свя- зать одною главною мыслью матеріалъ настоящаго очерка и, избѣгая „произвольныхъ точекъ зрѣнія“, произнести надъ фактами судъ, кон- статирующій истину, какова бы ни была послѣдняя.

Дѣло каждаго судьи и критика, гдѣ бы дѣло это ни совершалось, на аренѣ трибунала или въ кабинетѣ теоретика,—состоить въ умственномъ трудѣ, который направляется къ тому, чтобы открыть, опредѣлить и свести къ одному цѣльному заключенію какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны въ объектѣ суда и анализа. Соблюдая всѣ строгія требованія безпристрастія, приходится однакоже высказать, что дуэль, какъ социальное явленіе и при томъ какъ всеобщій историческій фактъ, можетъ быть подведена только подъ категорію зла въ жизни человѣческихъ обществъ. Никакая глубина думъ надъ судьбами поединковъ, никакая осторожность и объективность въ анализѣ и основныхъ началъ и всѣхъ деталей дуэли, ничто не даетъ убѣжденія въ томъ, что обычай этотъ послужилъ на пользу и благо культурнымъ интересамъ человѣческаго общежитія. Нѣтъ, дуэль, отъ начала своего до нынѣшней поры, была, есть и будетъ лишь громаднымъ кровавымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ христіанской цивилизаціи.—Пытались иногда поставить такой историко-философскій тезисъ, будто дуэль помогла развитію и закрѣпленію понятія о „личности, стоящей за свои права“, связывая такой культурный фактъ съ вліяніемъ рыцарства; но забываютъ при этомъ многое и очень многое.—Рыцарская дуэль, въ эпоху своего процвѣтанія приблизительно между XI и XIII столѣтіями, есть лишь свѣтлый, но мимолетный метеоръ на скорбномъ общеевропейскомъ полѣ поединковъ и представляетъ собою нѣчто глубоко отличное отъ той дуэли, которая составляетъ истинную болѣзнь западно-европейской культуры, начиная съ XVI столѣтія—этой идеальной эпохи бреттеровъ и убійць по призванію. А затѣмъ само рыцарство, усердно практиковавшее дуэль, не выдержало задачи своей въ дѣлѣ развитія понятія о „личности стоящей за свои права даже при круговой порукѣ между поединкомъ и пониманіемъ права личности“. Почему? А потому, скажемъ мы словами, уже цитированнаго нами, русскаго публициста 40-хъ годовъ, что „рыцарь, свободная личность въ отношеніи къ государству и рабъ внутри, развилъ односторонность свою до нелѣпности; онъ съ каждымъ днемъ дѣлался болѣе и болѣе Донъ-Кихотомъ; не имѣя дѣйствительнаго критерія чести, онъ весь зависѣлъ отъ обычая и мнѣнія; онъ, вмѣсто живаго и широкаго понятія человѣческаго достоинства, разработалъ жалкую и мелочную казуистику оскорбленій и поединковъ“.

Отрицательная роль дуэли въ протекшей ея исторіи еще яснѣе и полнѣе обозначается среди фактовъ, отношеній и интересовъ эпохи современной. Едвали можно признавать серіознымъ мнѣніе, высказанное между прочимъ въ только что вышедшемъ французскомъ сочиненіи о

дуэляхъ, Летанторье Фрадена, будто дуэль *законна* (légitime) какъ неизбежное зло, какъ единое возможное огражденіе неприкосновенности лица отъ оскорбленія. Противъ этого говорятъ данныя современной статистики дуэлей, а именно: фактъ полного прекращенія дуэлей въ Великобританіи безъ малѣйшаго ущерба для личной неприкосновенности свободныхъ гражданъ свободнѣйшаго государства, а также—фактъ весьма замѣтнаго уменьшенія количества дуэлей въ Швейцаріи, Бельгіи, Италіи, Испаніи, Португаліи и даже въ самой „Stammland der Duellen“, въ Германіи. Что касается послѣдней страны, то здѣсь, еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія, обращено было вниманіе на такое явленіе извѣстнымъ профессоромъ-юристомъ Гансомъ, который, въ напечатанномъ письмѣ своемъ къ французскому историку дуэлей—Фужеру, между прочимъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что средняя статистическая цифра офицерскихъ дуэлей въ Германіи гораздо ниже итога студенческихъ поединковъ. Вообще, возлагать, въ настоящее время, на дуэль миссію огражденія неприкосновенности лица отъ оскорбленія есть грубый анахронизмъ, упорное закрываніе глазъ передъ наличностью и очевидностію такихъ средствъ огражденія неприкосновенности лица, какія представляютъ собою и весь строй правового государства съ общественнымъ мнѣніемъ его гражданъ, и все содержаніе многихъ западноевропейскихъ законодательствъ объ обидахъ и оскорбленіяхъ, и достоинства суда присяжныхъ, работающихъ совмѣстно съ просвѣщенною и независимою магистратурой. Говорять, конечно, объ обратной сторонѣ публичности судопроизводства—объ оглашеніи фактовъ шекотливаго свойства для лицъ, обращающихся къ суду,—оглашеніи, приобретающему особенную быстроту и широту распространенія благодаря прессѣ. Но позволительно спросить: а развѣ фактъ дуэли не подлежитъ еще болѣе громкой огласкѣ, еще большому распространенію и въ обществѣ, и въ періодической печати не только одного города, но и цѣлаго образованнаго міра?

Теперь мы можемъ дать окончательный отвѣтъ на вопросъ о социальномъ значеніи дуэли и объ томъ отношеніи, въ которомъ должны стоять къ ней государство, судъ, общественное мнѣніе и законодательство.

Не легко найти и удачно выразить формулу для такого отношенія, въ силу сложности вопроса и неправильности дуэли въ ея строѣ и въ ея функціяхъ среди современнаго общества и государства. Присмотримся однакоже къ этому строю, къ этимъ функціямъ. Что найдемъ мы тамъ? Съ одной стороны, дуэль есть какъ бы война при господствѣ мира между народами и государствами; а съ другой стороны, дуэль

есть какъ бы замѣна правосудія среди государства, сохраняющаго всю полноту своей верховной юрисдикціи, особенно въ сферѣ уголовного суда. Если вѣрно первое сходство, то какъ объяснить и чѣмъ замѣнить въ дуэли отсутствіе признака войны: ея политическаго вѣса, ея общественнаго значенія, ея аналогіи съ судебнымъ процессомъ между комбатантами? — Если же вѣрно второе сходство, то какъ быть съ такимъ правосудіемъ, при отправленіи котораго завѣдомо-виновный въ обидѣ, повлекшей за собою дуэль, не только приравнивается съ завѣдомо-пострадавшимъ отъ обиды, но получаетъ организованное право на убійство именно того человѣческаго существа, которое несомнѣнно претерпѣло отъ оскорбленія? Ясно, что современная дуэль не есть ни война, ни замѣна государственнаго правосудія. Другими словами: „дуэль не есть ни божеское, ни человѣческое правосудіе—ни жертва, ни искупленіе; это—правосудіе случая, пародія войны, актъ суевѣрія въ вѣкъ индифферентизма, воспоминаніе о привилегіяхъ въ вѣкъ гражданского равенства, пережитокъ варварства среди богатой цивилизаціи“. — А если это такъ, то, дѣйствительно, дуэль есть какое-то гибридное, противообщественное и противоправственное явленіе въ современномъ обществѣ, какъ мелкая пародія великой международной драмы—войны, какъ анархическое право на убійство, какъ искаженіе и приниженіе опредѣленнаго акта правосудія до степени фатальнаго, неразумнаго жребія. — „... Кровавая расплата съ обидчикомъ, или, еще болѣе, причиненіе смерти лицу, обиженному виновнымъ, одинаково противорѣчатъ и принципамъ христіанской религіи и началамъ нравственности... Дуэль не находитъ для себя оправданія ни съ разумно-психологической, ни съ соціальной точки зрѣнія“. Вотъ слова, вписанныя въ проектъ новаго уголовного уложенія для Россіи, — и въ словахъ этихъ слышится голосъ истины. — Дуэль и нравственность, — дуэль и право, дуэль и общественный прогрессъ, дуэль и неразбитое счастье людей: все это представляетъ собою понятія взаимно другъ друга исключаютія, противорѣчія, никогда между собою не примиряемыя. — Невозможна иная квалификація дуэли, кромѣ квалификація ея какъ преступленія. — Невозможна иная роль государства и законодательства, — суда и внутренней политики, прессы и общественнаго мнѣнія по отношенію къ дуэли кромѣ неустанной, дружной, культурной борьбы. — Нельзя терпѣть возлѣ правильно-устроеннаго, государственнаго правосудія какую-то частную привилегію на убійство, въ такой моментъ культурнаго развитія Европы, когда дебатруется и рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о смертной казни въ рукахъ самаго государства, когда „всѣ мыслящіе люди отказываютъ не только отдѣльному лицу, но и

цѣлому обществу въ правѣ убійства“. Нельзя—грѣшно передъ Богомъ и совѣстью—поступаться великими идеалами добра, правды и человѣколюбія въ руки предразсудка и мелкихъ личныхъ страстей, на чемъ, строго говоря, и держится исключительно поединокъ въ образованнѣйшихъ странахъ Европы.—Пора обществу сознанію этихъ странъ, гдѣ ярко свѣтитъ несгораемая кулина философской мысли и научной истины, окончательно выбросить изъ экономіи культурной своей жизни безобразные остатки того, что „не есть ни божеское, ни человѣческое правосудіе, ни жертва, ни искупленіе“, но что всегда было, есть и будетъ правосудіемъ слѣпago и, по большей части, жестокаго случая.

А. Н. Стояновъ.

16 января 1893 года.